

Елена Игнатова

Воздушный колокол



Петроградская сторона

Елена Игнатова

Воздушный колокол. Книга стихов

«Геликон Плюс»

2018

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Игнатова Е.

Воздушный колокол. Книга стихов / Е. Игнатова — «Геликон
Плюс», 2018 — (Петроградская сторона)

ISBN 978-5-00098-173-3

В книгу «Воздушный колокол» известного русского поэта Елены Игнатовой
вошли ее избранные стихи, написанные в Ленинграде и Иерусалиме.

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-173-3

© Игнатова Е., 2018
© Геликон Плюс, 2018

Содержание

Часть 1	7
«Как, не ударясь в крик, о фанерном детстве...»	7
«Ничего не проси у страны – ни любви, ни суда...»	8
«Как я тоскую по архитектуре житья...»	9
«Сердечный перебой от боли, не от грусти...»	10
«Детства опара...»	11
«“Ничего, кроме ненависти...” – говорю...»	12
«Медногубая музыка осени. Бас-геликон...»	13
«Город черен и точён белой ночью...»	14
«Все протяженье брошенной столицы...»	15
За город!	16
«Подуешь на пальцы в московском дворе...»	17
«Как хитрый грек...»	18
«Я на улицу выйду. Смердит...»	19
«Пустоты полночи. Земля перепревать ложится...»	20
«Или мне кажется, или в отчизне...»	21
«...звали его Китом...»	22
«Сколько горя, сколько черной боли...»	23
«Пела и на клиросе...»	24
«Запах нашатыря, истлевшего снега...»	25
«Зима на убыль. Ветер тянет мыльней...»	26
«И репейники звезд, и колодцы воздушной воды...»	27
Страстная неделя	28
«В город Пушкин поедem, друзей навестим, посчитаем потери...»	29
Кинематограф	30
«Блокада. Простуда. Поленьев отрада...»	31
«Едва ли не с начала сентября...»	32
Летний сад	33
«Цветут фабричные огни...»	35
«Вечером где-нибудь, пригородной природой...»	36
«Я живу в новостройке, где небо по локти в земле...»	37
Диптих	38
«В просторных сетях диктатуры...»	39
«Я повстречала равнину в рваной рогоже...»	40
«Мне никогда не вернуть перепелок в полях...»	41
«Невозможного нить – звук высокий и плоский...»	42
Стихи больницы	43
«Русской сказки гусиные крылья...»	45
«Из самой глубины бухгалтерского дня...»	46
«Вот кольцо с малахитом. И в каждой прожилке – зима...»	47
«Из мира теней, тенет...»	48
Жена Лота	49
Часть 2	50
«Пусть доплывет пловец...»	50
«Овраги да буераки...»	51

«Нас было шестеро, мы были вшестером...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Игнатова

Воздушный колокол. Книга стихов

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга

Издание Санкт-Петербургской общественной организации «Союз писателей Санкт-Петербурга»

© Игнатова Е., текст, 2018.

© «Геликон Плюс», макет, 2018

* * *

*Не так ли на берег, утраченный нами, на берег
золотой,
к полудню катились не волны, а пламя широкой
волной...*

Часть 1

«Как, не ударься в крик, о фанерном детстве...»

* * *

Как, не ударься в крик, о фанерном детстве,
бетонном слоне, горнистах гипсовых в парке,
творожном снеге Невы, небе густейшей заварки,
о колоколе воздушном, хранившем меня?
Вечером мамина тень обтекала душу,
не знала молитвы, но все же молилась робко.
В сети ее темных волос – золотая рыбка,
ладонь ее пахла йодом... сонная воркотня.

Всей глубиною крови я льну к забытым
тем вавилонским пятидесятым,
где подмерзала кровь на катке шербатом,
плыл сладковатый лед по губам разбитым.
Время редет, скатывается в ворох,
а на рассвете так пламенело дерзко,
и остается – памятью в наших порах,
пением матери на ледяных просторах,
снежными прядями над глубиною невской.

«Ничего не проси у страны – ни любви, ни суда...»

* * *

Ничего не проси у страны – ни любви, ни суда,
первородства души не заменишь ее чечевицей.
Сколько можно, несую непосильное бремя труда
соглядатая, очевидца.

Робкий шепот окраин, столиц заговорщицкий шум
чуть колеблют и дразнят листы летописного свода,
но как тайный судья, соучастник судьбы, тугодум —
вывожу на полях неизвестное слово «свобода».

Не возьму ни гроша и ни капли вина не пролью
в причащеньи судьбы ко стыду нерастраченной силы,
к нерожденной душе, к одиночеству в отчем краю,
к этой грязной бумаге, где жизнь изошла на чернила.

«Как я тоскую по архитектуре житья...»

* * *

Как я тоскую по архитектуре житья
послевоенного – под виноградной бетонною гроздью,
где, как зверок на ладони, пригrelась семья,
воздух тайком добывая на черном морозе.
По лихорадящей родине, вынесшей ад,
кровью налит ее сумрак и гноем рассветы,
и перекличка: «убит... виноват... виноват...»,
и запекаются губы стыдом и ответом.

Господи, нас разметало, как мертвый сорняк,
взрывом отбросило, ядом смертей опоило,
из глубины униженья спрошу Тебя так:
– Господи Боже мой, что с моей родиной было?
Что, обернувшись, увижу? Окоп и бетон,
парка победы цветы, черепа и колосья,
голос о маме, о брате, платке голубом
под виноградной бетонною гроздью.

«Сердечный перебой от боли, не от грусти...»

* * *

Сердечный перебой от боли, не от грусти,
и под ногами дерн так прочен и так груб.
Где влажный куст ручья, где разветвление устьев,
где запах ночи, лепесток у губ?

Когда я почала железную ковригу?
А помнишь крупный шрифт поэмы о Петре
и детства круглый свет – под лампой зрела книга
и нежной желтизной мерцала на столе.

Колесный перестук сливается с «Полтавой»:
полки, и взрытый прах, и пылкий Шлиппенбах...
И нить моей судьбы вплелась в судьбу державы,
оставив вкус железа на губах.

«Детства опара...»

* * *

Детства опара.
Ветрянки зеленый цветок,
да на воде подсоленной – тюря.
Выйдешь – торчит во дворе «воронок».
Наши мужчины охочи до тюрем.
Дом. Дом,
немцами строенный дом,
влажный барак.
Можно купить за пятак
завиток из пластмассы,
можно до ночи кататься
на карусели железной...
Мы засыпаем без слез —
девять душ в конуре. Тесно.
И среди нас расцветают искусства:
вот инвалид – гнет подвески для люстр,
есть и художница – голод и юность,
бант голубой, нежно-серая кожа.
Тридцать рублей – нарисует портрет маслом.
Нарисовала меня
на кошку-копилку похожей.
Родственник-летчик к нам залетел сгоряча,
морщился – мы неприглядны.
Куча угля за окном, пятна на потолке,
да голубые глаза на стебельке
узкого личика. Кожа в зеленке, ветрянке...
– Кем же ты будешь?
– Прачкой! Такие красивые тряпки! —
И ослепила – надежды птица в руке.

««Ничего, кроме ненависти…» – говорю…»

* * *

«Ничего, кроме ненависти…» – говорю,
Но из глаза-куста
в мир летят семена, и живут, и пускают побег,
и когда вы меня повезете в позорной телеге,
оживленная зреньем моим, жизнь прекрасна, густа,
прошумит, прощена. Вам деревья нужны для креста,
для порубки – в чужие болота протягивать слезы.

Боже, в хлипкой телеге – в тугую молочную твердь,
на помосте торчит, как сосок, кумачовая плаха,
Опускаю лицо, прижимаюсь губами без страха —
я любима в мгновенье, когда вы пришли посмотреть,
вы меня принимаете в общенародную смерть
и следите, как ватно валюсь на помост я, неряха…

«Медногубая музыка осени. Бас-геликон...»

* * *

Медногубая музыка осени. Бас-геликон
кружит медленным небом. И колеблем, осыпан листвою,
проплывает военный оркестр в мокром воздухе по-над землю,
чуть повыше дождя занесен, накренен.

Скажет музыка: «О-о-о...» – и отступит фонтанов вода.
Так застыли тритоны, что губы у них леденеют —
не сомкнуть, не ответить оркестру.

Он медленно реет,
медью призрачной греет...
Дрожит за плечами слюда.

Что ж, российский Версаль? Нам достались из той стороны
этот парк щегольской, да надрывное слово «блокада»,
и не кроны деревьев – голодные ребра войны,
не эоловы арфы, а песня смертей и надсада.

Сеет дождик... и плачу. И с криком летит «метеор»
вдоль оставленных парков. Угрюмо спешат экскурсанты
мимо братской могилы фонтанов, каскадов, озер,
мимо музыки – вниз головой —
растворенных дождем оркестрантов...

«Город черен и точён белой ночью...»

* * *

Город чёрен и точён белой ночью.
Город, я в тебе горю червеной точкой.
Как по вражеской земле, пугаясь шага,
мимо каменной гряды – по оврагу.

Пусто. Чисто. И газоны не дышат,
лучник бронзовый прищурился в нише,
ветер носит запах конского пота.
Зверь ощерен. Камень голоден. Охота.

Жаден жертвенник на Марсовом поле,
кони бронзовые бродят на воле,
в небе бьется пузырем птичья стая,
ходит алая вода под мостами.

Город, город, обезумел, ярится:
в новостройках чудеса реализма —
кто с отбойным молотком, кто с винтовкой,
баба с каменным снопом в изготовку.

Мокрым мрамором в траве – чьи-то пятки...
Город – выследил. Бегу без оглядки,
скрежет двери в темноте —
ох, не вскрикнуть!
Затаиться. Отдышаться. Привыкнуть.

Запах бедности,
недавней побелки...

«Все протяженье брошенной столицы...»

* * *

Все протяженье брошенной столицы
вмещается в единый перелет
чирка болотного. Но страшно сельской птице
на празднике огня и света появиться,
и воздух нежилой над городом течет.

Здесь каменный народ, который целый день
карнизы подпирал, стоял в неловких позах
на крышах, – он дает себе короткий роздых.
Простолюдин античный любит лень,
игру в щелчки, катание на козах.

Пока мы заперты в свои дома,
пока мы беззащитны перед снами,
мелькают пятки бронзовые,
ходят кони табунами...
И улица легла,
обнажена
перед ночными плясунами.

За город!

Уголь окраин.
Озноб нищих рощ.
С асфальта скатился дождь
в черные травы. Бумага в канавах,
гниющие воды —
это предместье природы.
За город, за город, друг Телемак, за город!

Мы спешим мимо блочных домов,
снов удушья в тисках арматуры.
Щели оконные
в клетки впускают воздух
(ночью удавленником под звезды
высунут фортки язык с синим стеклом).
За город, друг, в прозрачной воде шевелить веслом!

Мы спешим, прикрывая лица плащами в знак
скорби. Выводят мелких собак
унавозить газоны.
За окнами звук поцелуев сонных
(или урчит живот?) —
это вода уходит в черную дырку ванны,
смывая рабочий пот.

Нас выносит из улиц.
Природа-калека,
как огромный червь, извивается слепо,
зародясь из свалок и сточных вод.
Здравствуй, оборотень-Помона!
Из мазутных луж на манер тритона
всем нутром своим прокаленным
в десять труб тебе голосит завод.

«Подуешь на пальцы в московском дворе...»

* * *

Подуешь на пальцы в московском дворе,
заухает снег за углом.
Смотри, что творится теперь в декабре —
как в фильме дешевом живем.
Москва велика, и сдобна, и пышна,
и все мы, как в булке изюм,
где грязной рукой ковыряет страна,
тот слаще, который угрюм.
Нет, здесь не по мне. Мне милей Ленинград,
где чайки чугунный полет,
куда он тесней, жестковат, суховат,
а все веселее живет.

«Как хитрый грек...»

* * *

Как хитрый грек,
сквозь Рим жестоковыйный хитрый грек
бредет, скрывая в бороде усмешку,
и наблюдает городскую спешку
из-под кофейных век.
Как тайный грех,
любовь свою к Москве, как тайный грех,
я объявляю ныне.
Господь, ты сотворил в людской пустыне
гончарный цех.
Кое-как, признаться, лепят малых сих,
но сколько их!

Все сто холмов,
уподоблю все сто ее холмов
златым восхолмьям конского навоза.
Но с чем сравнить татарские заносы
ее чинов?
Зима черна.
Кремлевская стена начинена
покойниками. Спит копчушка в склепе.
Разносит двери магазинов слепо
в Москве страна.

Здесь млад и стар,
приказчик и добытчик млад и стар.
Кипит базар.
Печется новый миф столичной лепки.
Здесь «про» – сильны и «контра» тоже крепки.
О, где пожар!

Скрываю смех,
чеканки петербургской жесткий смех.
Грущу о тех
цветах прекрасных, что растут в болоте.
И обдувает кровью на отлете
гончарный цех.

«Я на улицу выйду. Смердит...»

* * *

Я на улицу выйду. Смердит.
Пот рабочий стекает с трамваев,
важный гость на «Аврору» спешит,
черным бесом метнется, пролает.
Светлоглазый ребенок со мной
(тихий шаг в институтские парки),
пламя прелести кроткой земной
на лице его светит неярко.

Повторяй же: «В провалах, в крови —
словно ласточек гнезда слюною —
силой неутолимой любви
материнской – скреплен надо мною
свод небес». Этот город прими,
заповедник советской России:
жесть и известь, секретных НИИ
низколобых – подъезды пустые.

Начиналась застройка с тюрьмы
и с дворца, где не видно хозяев,
у реки, над которою мы,
как бескрылые птицы, играем.

«Пустоты полночи. Земля перепревать ложится...»

* * *

Пустоты полночи. Земля перепревать ложится.
Лист налитой на землю пал.
Фонарик мрака – в небесах мерцает птица,
и коротко блеснет, боясь упасть в канал,
где света нет.
Теперь сырой туман
стекает по садам на каменные лица.

Пустоты полночи.
В густой воронке света
прохожий скармливает женщине тоску.
Слова расслаблены. Дымится сигарета.
В плаще блестящем он подобен мотыльку,
что к лампе прилетел и требует совета.

Что делает поэт в печальный час теней?
В Неве ночных огней качаются обмылки.
Он из дому идет, одевшись потеплей,
и студенистый свет стекает по затылку,
когда пройдет насквозь туманный Летний сад,
и тени милые к нему на свет летят...

«Или мне кажется, или в отчизне...»

* * *

Или мне кажется, или в отчизне,
словно в лесине, простукивается пустота,
и не вольна я сказать «за свободу полжизни» —
просто одна половина ее у меня отнята,
а на другую глядят и молчат в укоризне
два долговязых скота.

Женщина, ты и помады еще не истерла на губы
сколько положено было в синичий твой век,
но из сумятицы будней тебя вынимают негрубо,
и, возмущенно ерошась еще, ты увидишь: вдоль рек
позаболоченных – тянутся волглые срубы...
с умершим сердцем, живая еще, опускаешься в снег.

«...звали его Китом...»

* * *

...звали его Китом,
шел с приятелем, тот...
Посмотри, как время нас выдает,
я хочу сказать – время
слепорожденной жизни не позорней иных,
смерть во дворе-колодце, на глазах у старух —
новое поле брани.

Дослужась до шиша в кармане,
мы, заложники вечности, как утверждал поэт, —
лес букварный в распаде. А в тридцать лет
кровь подводит итоги.
Ты убит ударами карате,
племя новой культуры не мы, а те —
каратисты и йоги.

Осыпается мой словарный лес,
скоро будем мертвы во имя чудес
эры с привкусом серы,
опустеет окраин нелепый стан,
и пойдем на небо под барабан,
как когда-то шли в пионеры.

Я молчу – это время хрипит во мне:
исчезают в огне, колыме, тюрьме
те, чьи губы любили,
те, кто плакали под хмельком,
кого кованым каблуком
прямо в сердце тугое били.

«Сколько горя, сколько черной боли...»

* * *

Сколько горя, сколько черной боли
приняла я в городе Петровом.
Греемся на пепелище старом,
плачемся на пепелище новом.
С нежностью и тайною оглядкой,
чужестранка в этом мире сиром,
узнаю потемкинские пятки
у атлантов, гениев, кумиров...
Но когда у Ксении Блаженной,
у ее часовни жду рассвета:
– Жено, о блаженнейшая жено,
сколько счастья было, сколько света!

«Пела и на клиросе...»

* * *

Пела и на клиросе,
и под небесами,
как звезда, светилась
в деревянном храме.
Обходя без устали
городок-пустыню,
площади и улицы
все перекрестила.
Все согреть старалась
каменное ложе
Ксения Петербургская —
тайная надежда.

«Запах нашатыря, истлевшего снега...»

* * *

Запах нашатыря, истлевшего снега,
воздух с примесью яда,
битый кирпич, дебильный Ильич,
но только здесь я могу заговаривать тьму,
растворяться и ждать появления
нескончаемой вереницы женщин —
шатких теней, бредущих след в след
за высокой, в истлевшей шинели,
Ксенией, как свеча горящей.
Они приникают к окнам, вглядываются в спящих,
вдыхают запах тревог и страхов
и благословляют землю под слоем гари,
плоское небо, кованый воздух —
все, чего не любили при жизни.

«Зима на убыль. Ветер тянет мыльной...»

* * *

Зима на убыль. Ветер тянет мыльной,
грязь чавкает со вкусом под ногою,
дрожащее пространство и нагое
для глаз затруднено, преизобильно.
Поэт со мной, москвич с лицом изгоя,
взглянув окрест, проговорил: «Морильня».

Но посмотри: телесность, кротость, страх,
предродовое напряженье воли
я чувствую и в поле, и в холмах —
как роженица, путаясь в подоле,
земля в своих границах и морях
встречает полдень в крепости и боли.

Поэт застыл с улыбкою слепой,
над нами к небесам восходит птица...
— И наша жизнь, — я говорю, — постой,
как капля хмеля в чаше золотой,
Бог ведает, во что пресуществится
в отчизне милой, родине святой!

«И репейники звезд, и колодцы воздушной воды...»

* * *

И репейники звезд, и колодцы воздушной воды
меж созвездий – что духу еще для бессмертья?
Как ресницы влажны, и глаза – соляные пруды,
как луна подоконник косыми крестами пометит
и в единый прощальный сливаются ночью сады.

Плач в апреле, и влажная тяга земная клонит
сердце к восьмиконечной звезде, отразившейся в лужах,
наливается солью луна и выходит в зенит.
Так за время дневное колодезный ворот натружен,
что скрипит, рассыхаясь, и цепь напряженно звенит.

Только звук напряженья, воды соляной зеркала,
отсыревшие спички, дрожащий огонь керосина...
Приближаются сроки – Страстная неделя, осина,
там, где небо с овчинку, и даль, побелев, обмерла.

Страстная неделя

В движеньи реки была стройность псалма,
библейских садов шелестение в елях,
в апреле уже забывалась зима,
и теплилась жизнь на вершине холма —
тянулась Страстная неделя.

– Ну что тебе Страсти Христовы, когда
и собственной боли умеешь не слушать?

– Не знаю, откуда мне эта беда —
зловещее солнце и чаша у рта,
и смертное бремя на душу.

– Ну что тебе Страсти Христовы? Смотри:
топочет весна в городском хороводе,
деревья подтаивают изнутри,
под солнцем дымятся теперь пустыри,
движенье в плененной природе.

– Не знаю, не знаю... Но эти семь дней
мерещилась сердцу больному Голгофа
среди городских раскаленных камней,
и проволока в небе, и солнце над ней.
Пустыня. И горечь. И грохот.

«В город Пушкин поедem, друзей навестим, посчитаем потери...»

* * *

В город Пушкин поедem, друзей навестим, посчитаем потери.
Здравствуй, дом невысокий, рогожей обитые двери,
рыхлый свет за окном до полуночи станет светиться,
загребают крылом царскосельская древняя птица.

Голубь мира над нами дряхлеет, тучнеет, кружится,
разрушая фонтаны, студеной катит водица,
этот строенный парк – к декабрю только остов да балки,
купол церкви горит булавою дамасской закалки.

В город Пушкин поедem, а в полночь вернемся оттуда,
голубые шары принесем, потеряем у пруда,
водкой горло сожгло или воздух сомкнулся железом —
нет дыханья в груди на пути окровавленным лесом.

Вот он, осени дом, обнаженье древесного сердца,
кривизною страданья отмеченный рост стратотерпца,
бестелесны в лесу, мы застыли у самого края,
он бредет мимо нас, алый пот с облаков отирая.

Помнишь пламя дерев, пепелище остывшее луга,
непросохший бетон, горизонты смыкающий туго,
хруст сучка под ногой, нашатырь, восходящий над парком,
иностраный автобус, заваленный набок под аркой.

Я рассталась, срастаясь навек с этим городом ветхим
под неслышным дождем, под галдящею галочьею сеткой,
из какой глубины я услышу однажды: «Пора мне»?
Парк. Аллея. И смерти прибрежные камни.

Кинематограф

Прохладнеет. Столетия на рассвете
был город Петербург в молочной вате
залива. Рельсы пахли серебром.
И Райвала, и Царское в цветенье,
на островах гулянья и сирени,
поэт, эсер, студент, городской —
и яшмовое небо над Невой.

В пределах погибающей Пальмиры
чужих земель тогда звучали лиры,
иных наречий складывался стих.
Империи дряхлеющее сердце,
ты всем давало место обогреться,
сгореть в чахотке у твердынь твоих.

Литовский стих у царскосельских статуй,
грузинский – пышноцветный и богатый,
и Сёдергран мистический узор...
И мучит нас, у века на закате,
звук русского стиха, его собратий,
как эха отдаленного укор.

«Блокада. Простуда. Поленьев отрада...»

* * *

Блокада. Простуда. Поленьев отрада.
Не надо о будущем думать, не надо.
Два сломанных стула. Два томика Блока.
И мирное время далёко-далёко.
Блокада и стужа навеки вдвоем.
Блокада – и черный оконный проём.

Ты выживешь телом, ты духом умрешь,
ты станешь на каменный город похож,
пройдешь по цветущим садам Ленинграда —
здесь брат похоронен. Блокада, блокада...
По-прежнему воздух весной леденит,
по-прежнему памятник в парке зарыт.

«Едва ли не с начала сентября...»

* * *

Едва ли не с начала сентября
на парки опускается заря,
и чувствует озябнувший прохожий
проникновенье осени в гортань,
когда ее отстоенный янтарь
надолго поселяется под кожей.

Вся осень сгустком кажется одним,
а воздух – в ней основа. Недвижим,
вдыхается с медлительною болью,
и стягивает горло горький сок
небес, свисающих над кромкою лесов,
и неба полого, стоящего над полем.

Когда всю глубину его вберешь,
вороны обрываются с берез,
кричат протяжно, кружатся в истоме...
Но луч блеснет, и виден парк насквозь:
жемчужный, ветхий, барственная кость —
мерцающий на мокром черноземе.

Летний сад

1

Ты зачем, Летний сад, припадаешь к губам,
в полоненьи души обретаешь свободу,
кроме голоса, что я тебе передам?
Но тебя обучает жестоким стихам
ветер, что разорвет древесные своды.

Начинается утро корявых небес,
облака поражает припадок боязни.
Здравствуй, здравствуй,
зверинец постылых чудес:
чугуна тирания и каменный лес —
мы готовы для праздничной казни.

Начинается утро – и сад освещен,
он кренится к воде в исполинском замахе,
он сверкает, как лезвие над палачом —
но мы неуязвимы, мы тоже живем
и в Неве не полощем смертельной рубахи.

2

Дроги твоих мастеров,
судьбы людские – все мимо,
страшен бессмертных удел.
В зимние ночи, о сад,
ты покинут стоишь, нелюдимый.
Камень улыбчив и бел.

Или мы тени тебе,
скользим с шелестеньем бесплотным —
бренного мира слюда?
Трубы оркестров парадных,
краски гуляний народных —
не отражает вода.

Но никогда мне с тобой,
никогда не проститься,
эта любовь без утрат:
черные сети ветвей,

на которых не селится птица,
не остывающий сад.

«Цветут фабричные огни...»

* * *

Цветут фабричные огни
по вечерам в каналах,
в июльской городской тени,
где так прохлады мало.

Там, там по вечерам
проходят косяки,
своих воздушных дам
проносят моряки.

Сияет серебром
подтаявший гранит,
Нева стоит ребром
и лодки шевелит.

И ветер, как слюда,
у глаз наискосок.
Любовь, гранит, вода...
Вода. Гранит. Песок.

«Вечером где-нибудь, пригородной природой...»

* * *

Вечером где-нибудь, пригородной природой,
на пикничке, на обочине, на пяточке,
станем мы наслаждаться незрелым вином и свободой:
я, Евгений безумный с обломком руля в кулаке,
да юродивый бронзовый с жижей болотной в руке,
да зеленый конек с горделивою царскою мордой.

Вечером... Болью и желчью стакан дополна —
лечит... не жалеюсь, нет, не с тобою — с судьбою
вечно — играла, марала, боролась одна,
и если ангел теперь нас покличет трубою,
«Счастлива, слышишь, — скажу, — и свободой больна!»

Что ты трудишь под рогатыми лаврами лоб?
Мозг под землю уложен, как в трубчатой кости,
хриплое пенье Невы, шпиль золотой на погосте,
над чертежом твоим старым пыльного неба захлеб,
тень отлетающих крыл на фабричной коросте.

«Я живу в новостройке, где небо по локти в земле...»

* * *

Я живу в новостройке, где небо по локти в земле,
где сиамские кошки гуляют в остывшей золе,
а остатки домишек похожи на сгнившие зубы.
Город вытрусил нас, проронил сквозь дырявый карман.
Вот и кладбища кончились. И оседает туман —
пограничники прячутся в нем или же лесорубы?

Мы живем в новостроенном мире – горошками блок,
и карту страны оседает кровавый парок,
и на глобусе пятая часть отливает рудю...
Говори мне: отчизна и Отче, отчаянье, чад,
расскажи мне, как в каменных рощах подранки кричат, —
я люблю и страшусь, отвергаю, приемлю такую.

А пока что поет самогонка в ребре батарей,
перебиты деревья и нет непослушных зверей,
отползают деревни, а мы – добивать отстающих.
Это общий прогресс, понимаю, везде и у всех:
золоченая белка грызет золоченый орех,
и на каждый район полагается райская куша.

Диптих

1

Детства страшный короб,
расписной снаружи, тлен внутри.
Отчий дом в неподвижных разговорах.
Родственники. Пустыри.
Детства игры – прятки да пятнашки.
Душный ветер, свайка метит в лоб.
Тайное взросление неряшки,
короб за лошадкой – хлоп да хлоп.
Катится, скрипит. Удар – и оземь!
Пьяный мир, раскрытый до пупа.
Господи, как ярк и морозен!
Сыплет новогодняя крупа.

2

Курва в избушке на курьих ножках,
бабьи рассказы – смех и жуть.
Мертвые куклы бредут по дорожкам
денег в колодце бадьей черпнуть.
Слизью ангины залеплены щели
горла. Шприц кипятят на огне.
В комнате тесно. Просторно в постели.
В книжках одно – о войне, о войне.
Курва в избушке похабной жизнью
вроде довольна, печет колобок.
Страха и недоверья к отчизне
первый, молочный зубок.

«В просторных сетях диктатуры...»

* * *

В просторных сетях диктатуры,
где камень, граненый гранит,
тот ходит с улыбкою хмурой,
а этот стихи сочинит.
Монгольские крылья раскинув,
нависла и смотрит страна
глазами кремлевских рубинов
и видит до самого дна:
тот пляшет, а этот заплачет,
живет равновесье во всем,
а значит, порядок. А значит,
успеем и мы – проживем.

«Я повстречала равнину в рваной рогоже...»

* * *

Я повстречала равнину в рваной рогоже,
я полюбила холмы, оползавшие древнею кожей,
крупную соль подморозка, мятную стужу,
голубизны родника – око наружу.

Мне говорят: «Обернитесь на жизнь и воспойте строенья!»
Глянула я – и прыщавый бетон оцарапал мне зренье,
а присмотреться – железные ребра сочатся простудой,
сетки ячеек жилых держатся чудом.

А за домами закат яркий играет
и черноряска-равнина бредит о рае...
Хляби лежат под землей, мерзлые трубы.
Слабых лесов городских синие губы.

Но обмороженным сердцем, робостью ока
я прилепилась к равнине, спящей глубоко
под голубой чешуею рыбьего меха,
где полуглавья холмов – форма для эха.

«Мне никогда не вернуть перепелок в полях...»

* * *

Мне никогда не вернуть перепелок в полях
(влажный их куст, возникающий сразу на взлете),
шороха ночью в сарае и – детям на страх —
рассказней про кабанов на заросшем болоте.

Бабка учила письму на коротком письме,
путались мамины строчки, и все-то мне снилось:
невод волос ее темных, и слово ко мне,
слово любви искалеченным золотом билось.

Старое русло моя заливала судьба,
ствол кровеносный полнился помнящей кровью...
Братьев моих голоса, бабок моих ворожба —
что вы сулили, сойдясь по ночам к изголовью?

«Невозможного нить – звук высокий и плоский...»

* * *

Невозможного нить – звук высокий и плоский,
осыпается в храме буддийском известка,
или облако рвут золотые иголки,
или жизнь закатилась в звенящую шелку.
И мучительны сны: золотые погоны,
и блокады чумные сугробов бубоны,
горожанок покатые плечи в клеенке,
эти гари, туман, звук высокий и тонкий.
Задержи за щекой бубенец говорящий
да дыханием сбрось рябь с каналов блестящих,
покачусь, прозвеню, принимая, переча,
ледяным цветникам твоих храмов навстречу.

СТИХИ БОЛЬНИЦЫ

1

Человека сиротство
За больничной стеной.
Есть печальное сходство
Между птицей и мной.
Бродят темные птицы
По ключицы в снегу.
До земли опуститься
Я теперь не могу.
Я кружу возле окон
На втором этаже.
Птицам в снеге глубоком
Не подняться уже.

И печальный комочек —
Оперенье и плоть —
Под карнизом бормочет,
Чтобы сон побороть...
Ах, больничной охране
Благодать в декабре.
Тихой птицы дыханье,
Тихий час во дворе.

2

Коловращенье воздуха и толп,
особенное у больничных окон...
Свет мертвенный, метели яркий столп
передо мной на улице глубокой.

Гляжу с утра сквозь мутное стекло
на чудо общего передвиженья:
шагает человек без напряженья,
ему не больно и не тяжело.

Плывет автобус с теплым животом,
движенье у лотка вихреобразно,
и все это безмолвно и прекрасно.
И я – я тоже миру сопричастна,
в халате сером. С воспаленным ртом.

«Русской сказки гусиные крылья...»

* * *

Русской сказки гусиные крылья
нам такое сулят изобилье,
что и воздух покажется вкусен.
Бедной сказки домашние гуси,
Конашевича мир шерстяной
нас помирят надолго с зимой,
с переездом в трамвае холодном
и с зарей над каналом Обводным.
Мой любимый над сказкой склонен,
Петроградский район за стеклом,
на восточный манер испечен —
то-то пряничный, то-то смешон.

«Из самой глубины бухгалтерского дня...»

* * *

Из самой глубины бухгалтерского дня
Из плотных атмосфер чернильных испарений
Глаза закрою – и сорвет меня
В страну анисовки, с погожий день осенний.

Сквозь толстые пласты хозяйственных забот,
Сквозь перекрытья – пролетаю выше:
Чердак, железо кровельное... Вот
очнуться и вздохнуть. Уже нагрелась крыша.

Вниз погляжу – хозяйки у лотка,
построясь буквой «Г», скупают помидоры.
Смешавшись с запахом парного молока,
Ко мне доносятся прохожих разговоры
О том, что урожай прекрасный в этот год
На яблоки... Они полезны для желудка.
С соседней крыши драный серый кот
Не хочет уходить уже вторые сутки —
Пригрелся, милый...
Я ему кивну,
Он мне зевнет, он поскребет за ухом.
И, свесив головы,
Глядим на райскую страну
Анисовки и щей, подобны сонным мухам.

«Вот кольцо с малахитом. И в каждой прожилке – зима...»

* * *

Вот кольцо с малахитом. И в каждой прожилке – зима.
Я гляжу в эту плоскую твердь, холодея сама —
знал ли ты засыпанье, не чающее воскресенья?
Перетянуты бедра суровой ниткою сна, коченеет язык,
и в гортани черно. И не мой ли счастливый двойник
обретает наутро нестойкое раннее зреньё?

А еще в малахите моем незлобивая смерть:
белоглазые шелки и черно-зеленая твердь,
знаки тленья и плесени. Но безупречна огранка.
У моей ли судьбы во все очи лазурь без зрачка?
Щедро дарит она, а в конце – ледяного щелчка,
как ударом ствола добивают подранка.

Перегонкою крови в слова не избежешь земли,
не взойти в небеса в изумрудной горячей пыли,
только камень и кровь, и спокоен стрелок на охоте...
Я гляжу на кольцо. Сколько жилок белесых пришлось
на зеленое поле – его изглодали насквозь,
как прозрачные черви в своей потаенной работе.

«Из мира теней, тенет...»

* * *

Из мира теней, тенет
дому и граду привет,
где ангел и месяц вместе
вплывают в закатный свет.

Латник в часовне спит,
в лавре от свеч тепло.
Мир тебе, Гром-гранит,
сонной реки стекло!

И ответит: «Нет,
нет твоей тени здесь».
– Есть, – отвечаю, – есмь.
Здесьней судьбы замес,
полость истлевших лет.

Жена Лота

- Ты обернешься?
– Нет.
– Ты обернешься.
– Нет.
– И в городе своем
увидишь яркий свет,
почуешь едкий дым —
пылает отчий дом.
О горе вам, сады —
Гоморра и Содом!
- Не обернусь. Святым
дано соблазн бороться.
По рекам золотым
несет меня Господь.
– По рекам золотым
несет тебя Господь,
а там орёт сквозь дым
обугленная плоть.
– О чем ручьи поют?
– Там пепел и зола.
Над ангелом встают
два огненных крыла.
- Они виновны.
– Так.
– Они преступны!
– Так.
На грешной наготе
огня расправлен знак,
ребенок на бегу —
багровая звезда...
Ты плачешь?
– Не могу...
Всем поворотом:
– Да.

Часть 2

«Пусть доплывет пловец...»

* * *

Пусть доплывет пловец,
и ты избеги ночи,
сверкающая капля мира – стрекоза,
пусть слезы вызывает на глаза
воды блистанье талой из обочин,
сиянье острия в руке косца.
Я славлю полноту и онемень
полей, раскрытых небу в октябре,
рождение ребенка на заре,
момент, когда застыло на ребре
прекрасной жизни зрелое мгновенье.

* * *

«Овраги да буераки...»

Овраги да буераки,
огни отдаленных сел,
старческое лицо собаки,
а под вечер —
веселые разговоры,
жуки и два огонька,
сена пахучий ворох,
в тумане то ли река
шумит, то ли вдали
машины мимо прошли.

Итак, поговорим, поговорим,
о том, что днем в лесу видали дым,
о трудоднях, и как живут в народе,
и что бывает странного в природе,
о будущем... И каждая судьба
уже ясна и выдает себя.

«Нас было шестеро, мы были вшестером...»

* * *

Нас было шестеро, мы были вшестером
в гостиной с перепачканным ковром,
казался ворс проросшим из паркета,
но нас не удивляла странность эта,
как будто дом животным был вполне,
и мы качались на его спине.

В прокуренной и желтой полумгле
шесть судеб засветились на столе,
когда гадали мы, на свечи глядя,
чье пламя всех скорей на дно осядет.

Давно уже погасли пять огней,
моя свеча горела все темней,
и я пережила в одно мгновенье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.